

Увайси, Махзуни
и Надира

СТИХИ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ — 1961

Переводы *М. ФОФАНОВОЙ*

Под редакцией *С. ЛИПКИНА*

ТРИ КЛАССИЧЕСКИЕ ПОЭТЕССЫ УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Узбекская литература известна своими классиками и богата литературным наследием. Художники слова, отражая пером эхо своих сердец, приносили эстетическое удовлетворение, боролись за счастье и свободу людей. Советский народ всегда ценил их мастерство, всегда говорит о них с уважением.

Жившие в начале XIX века поэтессы Надира, Увайси и Махзуна, дочери узбекского народа, писали об угнетенных в прошлом женщинах Востока, отражали в своих стихах их горести-печали, их слезы и муки.

Жили и творили эти поэтессы в то время, когда началось загнивание феодализма. В XVIII и в начале XIX века среди раздробленных феодальных правительств Средней Азии — среди трех ханств (Ферганского, Бухарского, Хорезмского) обостряются междоусобные противоречия. Усиливается феодальный деспотизм. Нарастает недовольство народа.

События общественно-политической жизни, классовые противоречия находят свое отражение в литературе.

В начале XIX века господствуют в противоречии между собой два литературных течения — литература с демократической тенденцией и феодально-клерикальная литература.

Представители демократической литературы (Гульхани, Махмур, Муджрим и др.) связывали свои произведения с жизнью народа, боролись против узости тематики, упадочнических мотивов и формализма.

Использование устного народного творчества и творчества прогрессивных писателей делает демократиче-

феодалная мораль и приспособленная к ней дворцовая литература всякого поэта заражали своим ядом. То, что Увайси обращалась к вопросам семейных взаимоотношений, общественной жизни, было уже само по себе большим событием.

Несмотря на то, что в ее газелях немало повторений, грубых оборотов, шаблонных художественных средств и технических недостатков, стихи Увайси привлекают своим содержанием и зачастую своим художественным мастерством.

* * *

Еще одной видной поэтессой XIX века была Махзуна. Она была современницей Увайси и Надиры. По свидетельству поэта Писанды (Писанды Мухамед Аваз оглы умер в Коканде в 1918 г., 102 лет от роду), Махзуна была из верхнего района Коканда, называемого Гальчасой, дочерью кишлачного караульщика кишлака Башман. (Эта часть города Коканда и сейчас называется махалля Башман¹).

Стихи Махзуны говорят о том, что это была очень знающая и квалифицированная поэтесса. Она считается одним из сильных лириков своего времени. Она умела отзываться на животрепещущие вопросы, волновавшие ее современников. Поэт Фазли ставил ее в один ряд с поэтессами Зебинисо и Надирой.

Ее, должно быть, богатое наследие до нас не дошло, либо еще не найдено. Говоря о Махзуне, мы можем судить о ней по двум стихотворениям из «Маджмуатушуаро» на фарсидском языке, по литературным соревнованиям с Фазли — одно на узбекском, другое на фарсидском языках — да еще по одному мухаммасу на узбекском языке.

В стихах Махзуны также выражен протест против угнетения женщин, деспотизма мужа, воспета возвышенная и свободная любовь.

Друзья, прекрасного певца безмерно я люблю.
Пыланье нежного лица безмерно я люблю.

¹ Об этом говорит поэт Чархий.

В кудрях сияние венца безмерно я люблю,
И мускус каждого кольца безмерно я люблю.
Того, кто счастлив без конца, безмерно я люблю.

* * *

За что вы, люди, Махзуну ругаете окрест!
Но сделаю, как хочет он,— уйду из этих мест.
Поймите, милому служить — желанье всех невест,
И в том, что кину я ислам и вдруг надену крест —
Нет преступленья, нет греха, нет скверны — я люблю!

Особую известность в узбекской литературе получило поэтическое состязание Махзуны с поэтом Фазли на узбекском и фарсидском языках.

В ответах Махзуны звучит скромная мудрость, остроумие и находчивость.

Фазли говорит:

Твой алый рот и цвет вина — одно. Поэтому в
стихах твоих вино.
И хмелем опьянен я не простым: твоим стихом, как
бы вином густым.

Махзуна:

Увы, еще стихи мои—вода, их трезвыми оставили года,
Они — еще неспряденная нить, и крепость их мы не
определим.

Все известные стихи Махзуны богаты по содержанию, оригинальны по форме и игре слов в них, лиричны и художественны.

* * *

Поэтесса Надира родилась в Андижане в 1790 году. Ее настоящее имя Мохлар, но свои газели она подписывала вначале псевдонимом «Комиля», а впоследствии «Надира» и в народе получила прозвище «Надирандаврон».

рым она заказывает различные исторические и литературные труды. Она организует в Коканде большую библиотеку, морально поощряет и материально поддерживает бедных писателей и поэтов.

Но в 1842 году Надира гибнет. Ее казнит вторгшийся в Коканд эмир бухарский Насрулло. Насрулло выбрасывает изуродованный труп Надиры к народу и запрещает трогать его в течение семи дней. Народ надевает траур по своей поэтессе и тайно ее хоронит.

Творчество трех поэтесс — это интересная и ценная страница в истории узбекской литературы.

Уткир Рашидов

Лвѣси
СТИХИ

* * *

О праве женщины любить я буду говорить.
О боли сердца, что не скрыть, я буду говорить.

О том, что слезы лью рекой, когда ушла любовь,
А реку слез не переплыть, я буду говорить.

Те слезы в сердце проросли, как лепестки тоски.
О том, как надо их растить, я буду говорить.

Бесцетна груда лепестков, их бесконечен гнет...
А так как сердце хочет жить, я буду говорить.

Я расскажу свою печаль измученной души.
Свяжу разорванную нить и буду говорить.

Все расскажу не для того, чтоб сохранить гроши—
Чтоб все богатство сохранить, я буду говорить.

Скажу, как ночь во тьме сырой придет к своей заре,
Начнет бутоны губ темнить... Я буду говорить.

Любовь захватывает дух, о ней не скажешь вслух.
А что мне от любви таить? Я буду говорить!

* * *

От гнета горя и скорбей душа горит, душа горит.
В круговороте наших дней душа горит, душа горит.

Насилия враждебный меч на части сердце смог рассечь.
От неразумия друзей душа горит, душа горит.

Увы, не вечен наш цветник, в нем для счастливых
места нет,
Беда преследует людей, душа горит, душа горит.

И твой покой наверняка пронзен шипами цветника...
От этих ран еще сильнее душа горит, душа горит.

Никто у нас не огражден от козней горестных времен,
Всесилен в наши дни злодей... Душа горит, душа горит.

От всех насилий и угроз сомкнула веки тяжесть слез,
Пришла ко мне пора дождей: душа горит, душа горит.

Смотрите, сердце у меня, как роза на закате дня,
В крови купается своей, душа горит, душа горит.

И все больней вскипает стон—не расцветает мой бутон!
Он ранен, сердца соловей, душа горит, душа горит.

* * *

Послушай жалобу мою, ты все поймешь, властитель
мой.
В разбитом сердце учинен разбой, грабеж, властитель
мой.

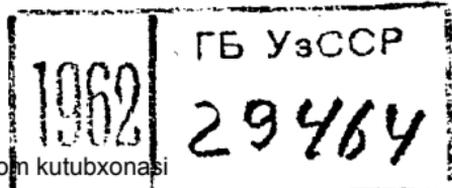
И если буду я стенать и плакать в ярости слепой,—
Прости безумне души и не тревожь, властитель мой.

Смятенный, одержимый ум привел в смятенье все
кругом:
Бурлящих слез моих поток с рекою схож, властитель
мой.

И днем и ночью обо мне как о безумной говорят,
А ты,— кто в этом виноват,— ты всем хорош —
властитель мой!

Уста медовые твои даруют сладостную речь,
Самой Билкис коснуться рук ты не даешь, властитель
мой.

С женою в мире ты живешь, вы — как Юсуф и Зулейха,
Пусть вас не тронут никогда ни боль, ни ложь,
властитель мой.

Увы, знак Зер на знак Забар сменил мне Счастье-
секретарь...

И книгу жизни у меня не разберешь, властитель мой.

Слетелись птицы клеветы на капли горьких слез моих,
Клюют жемчужную росу, как будто рожь, властитель
мой.

Сказал — терпения ищи, прибавит сил цветник ума,
Скажу — бессильна Увайси, терпенья — грош, властитель
мой!

* * *

Волшебницу я повстречала,— и сердце украла любовь.
Как лалы, уста пламенеют, но пламенной лала любовь.

Я вздохами небо сжигаю, роняю кровавые слезы:
Очей жемчуга превратила в сплошные кораллы любовь.

Прошу, не лишай меня силы, не мучай медовым
дурманом,
Хмельные слова опьяняют — всегда опьяняла любовь.

Тоскующей горлинкой плачу, рыдаю в саду
соловьином —
В кристаллах бутонов раскрытых прозрачной кристалла
любовь.

Белеют жемчужные зубы сквозь алые губы-рубины,
Теснее, чем жемчуг с рубином, в душе моей встала
любовь.

Кяфиры неверные носят в жгуты перекрученный пояс,
Жгутами кудрей мусульманки меня оковала любовь.

Хочу от опасности скрыться, как путник бежит
камнепада,
Но тщетны благие старанья — сильнее обвала любовь.

* * *

Грешна я — скрой мою вину, не обвиняй меня...
Сама откроюсь, чуть вздохну. Не обвиняй меня

Прошла, вздыхая, целый свет, а все душе отрады нет.
Найду ль сочувствия страну? Не обвиняй меня.

Когда расплачусь пред тобой беды кровавою слезой.
Найди созвучную струну, не обвиняй меня.

Изранил сердце мне навек тот бессердечный человек,
Неровню, кинул он одну, не обвиняй меня.

Не обвиняй за просьбу жить, за просьбу сердце
исцелить,
Сама себя я прокляну, не обвиняй меня.

Не обвиняй за сотни слов: у жалоб жизни — сто
основ...
К тебе я руки протяну — не обвиняй меня.

Нас много, раненных душой, и все мы плачем пред
тобой.
Я в их густой толпе тону, не обвиняй меня.

* * *

Все таинства любви познать не каждому дано.
Не уставая, встречу ждать не каждому дано.

Не обвиняй Лейли за то, что ослеплен Меджнун:
Влюбленным и безумным стать не каждому дано.

Немеют губы у любви, и в этом мудрость встреч.
Волненье речью передать не каждому дано.

Не думай, сердце, что любовь — твой самый
лучший друг,
Она — недуг... Ей исцелять не каждого дано.

О странник! Встретив красоту, умри от встречи с
ней.

Но ведь от счастья погибать не каждому дано...

Так слушай песни Увайси, лови слова любви,
Их только раз могу сказать, а больше не дано.

* * *

День, подаренный жизнью могучей, цени.
Гость пришел к тебе — радостный случай цени.

Соловья и сады, и прозрачный родник,
Тот, что стал в тебе строчкой певучей,— цени.

Влагой жизни любовь напои на заре
И ее отчуждением не мучай,— цени!

Оком сердца взглядишь в полнолунную ночь
И звезды откровенье падучей цени.

Распускается розы рассветный бутон,
Эту пору рожденья созвучий цени.

Боль других, Увайси, схожа с болью твоей.
Доброту в этой горечи жгучей цени.

Эти косы цвета ночи по соседству с милым взглядом —
Как драконы, что дерутся за владенье ценным кладом.

А рубиновые розы в цветнике горят, как слезы —
Красотой твоею ранен, стал мой сад кровавым садом.

И закат пылает жаром... То не солнечный багрянец —
Отразился твой румянец неба розовым нарядом.

Я сражен бровей кинжалом, и любви моей рыданья
В черных тучах прогремели безнадежным водопадом.

Но для сердца не смертельны красоты могучей стрелы,
Я иду еще упрямей, опьяняя волшебным ядом.

К Увайси будь милосерден, укажи любви дорогу,—
Без конца блуждает путник с недоступным счастьем
рядом.

* * *

Кто не скажет: «любовь прилетела» тебе?
Кто не жертвует крови и тела тебе?

Кто не слышит советов, влюбленный в тебя?
Кто, ревнуя, грозит неумело тебе?

Кто хотел бы с Аязом сравниться судьбой,
Но желанье еще не созрело в тебе?

От улыбок твоих, от движений твоих
Чье стремленье уйти надоело тебе?

Лик Меджнуна светлеет при виде Лейли...
Чья беда никогда не болела в тебе?

Тот, кто мог не заметить твою красоту,—
Он слепец, говорю это смело тебе.

...Увайси на пороге твоём, точно прах.
Но до этого есть разве дело тебе!

Губ медвяные рубины восхвалял Тути болтливый,
Нам сладчайшие картины рисовал Тути болтливый.

Пировал в саду любимый на ковре из роз багряных,
А ему за песней песню напевал Тути болтливый.

На дроздов сердилась птица: говорить ему мешают...
И обрушился на дерзких, как обвал, Тути болтливый.

Но увидев облик нежный и клинки бровей крылатых,
Всю свою былую резвость растерял Тути болтливый.

Отдавая кровь по капле, жизнь свою приносит в жертву
За волос благоуханье, лба овал — Тути болтливый...

Соловей поет немолчно в час, когда раскрылась роза.
А певец лишился речи — заскучал Тути болтливый.

Так, расхваливая солнце, алый лал в туманной дали,
Был сражен лучем горячим и увял Тути болтливый.

Пой нам, горлинка из сада, усладдай и слух и сердце,
Только знай, что в каждой песне гибель звал Тути
болтливый.

Увайси живет, как птица, и в точеной клетке слышит:
Плачет он, сражен любовью наповал,—Тути болтливый!..

* * *

Для тех, кто боль не перенес, любимых глаз не
вспыхнет свет.
Не выстрадаешь боль души — на чувство не придет
ответ.

Живи, раздумьем умудрен, прими разлуки темный миг:
Не окунаясь в темноту, нельзя увидеть блеск планет.

Зачем, не спрашивая нас, зарю ночной сменяет час,
Зачем под натиском разлук свиданья мы теряем след...

Одним ресницам суждено гулять в просторах глаз твоих:
Мечи бровей нахмурил ты и залил кровью целый свет.

О смертный, горечью измен ты превращен и в пыль и в
тлен:
У бедной родины твоей исполненных желаний нет.

Недаром скрыта Увайси густой завесой от друзей:
Ее глаза заволоклися потоком слез, потоком бед.

Я красавца увидала, но влюблен он или нет?
Набок сбита тубетейка, то корона или нет?

По его плечам струятся две косы чернее ночи,
Эти кокули святые в честь закона или нет?

Губ его прикосновенье воскрешает даже мертвых...
Эта власть его святая непреклонна или нет?

Краткий миг разлуки с милым длится долее, чем
вечность.
Обовьюсь лозой крутую вокруг колонны или нет?

Каждый взгляд твой ранит сердце, острия ресниц—
кинжалы,
Подойти он мне позволит для поклона или нет?

Тихий сад твой убаюкал эту песню вдохновенья,
А меня в объятья примет листьев крона или нет?

Не живу на этом свете, и на том я жить не буду.
Ты пришел сюда откуда, с небосклона или нет?

Жду, придет ли день свиданья, Увайси найдет ли
счастье:
Как рабыня, примощусь я возле трона или нет?..

* * *

В сумрак светлый и зеленый на пороге буду ждать.
Влажны губы у влюбленной, стынут ноги, буду ждать.

Люди добрые, не смейтесь, пусть коня торопит
всадник,
Не дивитесь нетерпенью, вся в тревоге, буду ждать.

У любви порыв бывает мимолетнее, чем ветер.
Пусть он грянет на ущелья и отроги, буду ждать.

Милый мой к себе приблизил злых завистников
неверных...
Все равно, круты дороги иль отлоги,— буду ждать.

Воскрешают речи друга всех, давно упавших духом,
И они опять счастливы словно боги., Буду ждать.

Эй, суфий, не думай плохо о безумной, о влюбленной:
Безнадежность ждет подмоги, я подмоги буду ждать.

Буду ждать любви единой, прочь поклонников
несносных,
И душа моя, и сердце стали строги,— буду ждать.

Сотней ран покрылось тело у притихшей недотроги,
Словно в окна в них гляжу я, боль, ожоги буду ждать.

Клеветы унылой совы свили гнезда над страданьем,
Но бесплодны их старанья и убоги,— буду ждать.

Виночерпий, чашу влаги Увайси вложи в ладони,
Лик любви я в ней увижу и дороги буду ждать!

Мухаммас на Навои

Я вижу розовый бутон — в бутонах роз трава опять.
Вплела твой голос в пенье птиц ночная синева опять.
Как будто пьяная брожу, моя мечта жива опять,
И я о солнце говорю, кружится голова опять:
Рубины губ живой водой мне были... я права опять.

Я помню красоту твою, и как ее не помнить мне.
Язык величие твое бессилён передать струне.
Источник красоты: иду, но где искать, в какой волне,
Когда он облик ясный твой, сердца сжигающий в огне.
О нем немолчно говорит стоустая молва опять.

Родник мой, одного тебя хочу я в сердце уберечь.
Полна мечтами голова, полны тобой и мысль и речь,
Играет на лице твоём лучей полдневных знойный меч,
Он, отражаясь от очей, таит в себе усладу встреч.
Я вся горю, но мой огонь заметишь ты едва ль опять...

Увы, не вспомнит обо мне ни разу бессердечный друг.
На злую жалуюсь судьбу, пойми печальный мой недуг.
Хочу, чтоб ливень слез моих размыл, разрушил все
вокруг,

Чтоб дом соперницы моей он превратил в руины вдруг...
Как молния, взлетает вздох,— а ты всему глава опять!

Не жду ответа на любовь, меня сочувствием согрей.
Пух равнодушья заложил и слух и души у людей,
Меджуну нечего терять в пустыне горечи своей.
О сердце, для чего дронишь скалу Фархада столько
дней,
Ведь, слезы получив взамен,— «Жизнь,— скажешь,—
такова!»— опять.

Ты многим, небо, даришь зло, увы, страшна твоя стезя.
Ты многим гибель принесло за жажду взять, что взять
нельзя.

Слепым велением твоим меня покинули друзья,
Ты солнце отняло мое и снова ждешь меня, грозя.
Грозн: на мельнице судьбы все смеют жернова опять!

Не сетуй, мудрая душа, на колесо судьбы слепой.
Любовь карает, как палач, всех, в ком горит пожар
святой.

Любовь уносит Увайси, как вихрь осенний лист сухой.
Кляню неверность Навои, пока неверный друг — живой,
Чтобы хоть в споре услышать нетленные слова опять!

Чело востока озарив, явилось пламя — солнце.
Зачем проносит каждый день по небу знамя солнце?

Из уст его струится кровь над беспокойным миром,
Несет кровавую зарю к нам вечерами солнце.

И день и ночь оно в пути, в движеньи бесконечном,
Меджнун вселенной,— грудь земли палит кострами
солнце.

В несчастьи оба мы живем, безумное светило:
Как я, укрыто от людей за облаками солнце.

Зачем пришла к Меджнуну смерть, а от меня уходит,
И я влюбленной остаюсь в тебя веками, солнце?

Я думала, ты верный друг, а ты предатель, небо,
И потому тебя разит лучей клинками солнце,

Смелей приблизься, Увайси, проникни в облик света:
В любой частице бытия всегда над нами солнце!

Маълумоти

С Т И Х И

* * *

Друзья, прекрасного певца безмерно я люблю.
Пыланье нежного лица безмерно я люблю.
В кудрях сияние венца безмерно я люблю,
И мускус каждого кольца безмерно я люблю.
Того, кто счастлив без конца, безмерно я люблю.

Еще ничей не видел глаз подобной красоты,
Недаром свежести его завидуют цветы.
Он чуть рассеян, чуть смешлив, горды его черты,
Ни разу не заметил он полет моей мечты...
Исчадь ада, хитреца, наверно, я люблю.

Померкнет солнце в небесах, когда он выйдет в сад.
Сто тысяч солнц в его глазах неустово горят.
И неземную сладость мук его уста таят:
Пред сладостью медовых губ и мед и сахар — яд.
В стране красавцев гордеца безмерно я люблю.

Серпами сомкнутых бровей столетья сражены —
Сразил их амбры аромат на острие волны.
Глаза — две лани молодых, что нежности полны.
Его лицо — небесный свет, сияние луны,
Созданье высшее творца безмерно я люблю.

Увидев стройный стан его, трепещут деревья.
«Наверно, это кипарис»,— твердит окрест молва.
А этих ясных черт полет откроется едва,
Как все прекрасное замрет, умолкнут все слова.
Владельца клада, храбреца безмерно я люблю.

Он несомненно божество в одежде цвета роз,
Один суровый взгляд его страшнее всех угроз.
Адан жемчужины ему для радости принес,
Но свет жемчужный у себя не вижу в доме слез,—
Хоть светоносного гонца безмерно я люблю.

За что вы, люди, Махзуну ругаете окрест!
Но сделаю, как хочет он,— уйду из этих мест.
Поймите, милому служить — желанье всех невест,
И в том, что кину я ислам и вдруг надену крест —
Нет преступленья, нет греха, нет скверны... Я
люблю!

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

(Мушоира)

ФАЗЛИ

Хвала тебе, хвала стихам твоим. В их простоте мы
ясный разум чтим:
Мысль отражают все твои слова, как в реках мир
зеркально отразим.

МАХЗУНА

Кто посвятил мне мудрость этих строк? Так написать
один влюбленный мог.
Но тот владеет сладостью любви, кто желчь ее познал,
как пилигрим.

ФАЗЛИ

Не должно нам открыто оглашать слова, что могут
сердце обнажить.
Пусть будет скрыт их сокровенный строй, как под
чадрой невесту мы храним.

МАХЗУНА

Не обвиняй за дерзкие слова. Без солнца иногда
растет трава.
Так я росла, и так мужал мой стих, отвержен, одинок
и нелюдим.

ФАЗЛИ

Твой алый рот и цвет вина — одно. Поэтому в стихах
твоих—вино.
И хмелем опьянен я не простым: твоим стихом, как бы
вином густым.

МАХЗУНА

Увы, еще стихи мои — вода, их трезвыми оставили года.
Они — еще неспряденная нить, и крепость их мы не
определим.

ФАЗЛИ

Слова твои блистают красотой, поведай миру, кто
учитель твой?
Как месяц, мы с высот не заблестим, пока мы солнца
свет не повторим.

МАХЗУНА

Тогда лишь море перлами полно, когда вбирает много
рек оно.
Я черпала бессчетно волны слов — и жемчуга нашла
стихам своим.

ФАЗЛИ

Фазли последним словом порази, скажи его, не обижай
Фазли.
Я должен в Намангане быть чуть свет, а ехать лучше
зрячим, чем слепым.

МАХЗУНА

Что мне сказать? Затворицей живу, но мир печали
вижу наяву,
И все стихи взяла я не из книг — они мне краем
вручены родным!

Надире

СТИХИ

* * *

Молитвы, посты и раденья — для шейхов источник
наживы,
Их проповеди и внушенья, как морок, туманны и
лживы.

Им узы любви не по нраву, на подвиг они неспособны,
И прячутся шейхи по кельям, мышинному войску
подобны.

Объятые жаждой добычи, они набивают карманы.
Их жадность обширней пустыни, бездонней, чем все
океаны,

Но все ж пред любовью бессилен огонь их недоброго
дела...

От их болтовни пустозвонной, ей богу, душа
зачерствела!

Вздыхают и шейхи порою, клянутся в усердии богу,
Их вздохи, как ветер осенний, бесплодно летят на
дорогу:

Ни мыслей, ни чувства у шейхов под пышностью белой
одежды,

А скудость ума прикрывает большая чалма у невежды.

И если разумное чадо взрастили б дремучие жабы,

Взяла бы я часть их обряда,— я в жертву себя

принесла бы!

* * *

Эй, виночерпий, наливай мне чашу до полна,
Святош сюда не приглашай, я лишь с тобой дружна.

От блеска твоего лица померкло все вокруг,
Так в блеске солнца гаснут вдруг и звезды и луна.

Когда с тобой сидим вдвоем, все так светло кругом:
Светило ночи, с ясным днем я соединена.

Меджнуну царств не предлагай, зачем влюбленным
трои,
Не опьянит безумных он, их страсть пьяней вина.

Пришла я с тысячью надежд к престолу твоему,
Пусть милосердья божества не буду лишена.

Язык твой стал ключом казны, казна — твой ясный ум,
Вся мудрость мира пред тобой теперь преклонена.

Ну что ж, безумствуй, Надира! Влюбленным на земле
Ни бог, ни вера не нужны, одна любовь нужна!

* * *

Расскажи, ветерок, чародею любовной науки,
Почему, отчего в этом сердце прерывисты стуки.

Расскажи, как томлюсь, как стремлюсь, умирая от ран,
Снова встретиться с тем, чьи тюльпанами кажутся
руки.

Я бедней Зулейхи, как спасти мне того, кто любим,
Где для выкупа взять драгоценного золота вьюки?

Пожалует меня — на прощанье шепните ему,
Что сгорела свеча, и надежды опущены луки.

Расскажи, ветерок, сладкоустому другу любви,
Что отравя любви причиняет все новые муки.

На приветы мои он ответить ни разу не мог,
Улетели слова невозвратно в речные излуки.

Кто счастливцу внушит, не познавшему горя и мук,
Как безрадостна жизнь, если жизнь состоит из
разлуки.

* * *

Сравнить пожар моей души с бедой Мелжнуна не
спеши,
Сгорит он в пламени моем, как стебелек в степной
глуши.

И пусть Фархад свою судьбу сравнить не пробует
с моей:
Есть тяжелей гора скорбей, ее попробуй сокруши...

Нет, несравнима никогда с моим несчастьем боль
других:
У них одна печаль была, мне сразу тысячу пиши.

Я стала зеркалом любви на этой горестной земле
И все большей поражена твоим блистанием в тиши.

Хоть каплю горестей моих прошу я горы приподнять,
Увы, бессильны горы взять поток бесчестия и лжи.

Тяжелый клад великих мук выносит сердце у меня,
А сердце слабое согнут невзгоды мелочной гроши.

Одна стотысячная мук склонила небо до земли,
Что будет с высотой небес, когда попросят: «Все
скажи!»...

Нет, не могла поднять гора мою печаль, мою тоску,
Лишь мне под силу тяжкий гнет забот, не знающих
межи.

Высоко ценят небеса могучий свет любви простой,
Твердят спасибо Надире за мужество ее души.

* * *

Приди, лукавый кипарис, очей моих алмаз,
Обнять хочу тебя душой и зеркалами глаз.

Когда свиданья светлый сад мне встретился в пути,
Твой стройный стан, высокий стан пленил меня
тотчас.

Спросила: «Будет ли мой дом на улице твоей?»
«Дома влюбленным не нужны!»— последовал отказ.

Пожаром ревности полны все розы цветника:
В бутонах губ, в нарциссах глаз волна любви
зажглась.

От локонов крутых волос исходит аромат,
Несет он каждой голове особенный наказ.

И каждая травинка здесь, украсившая сад,
В кудрях Меджнуна и Лейли не так давно вилась...

Недаром умный не живет в разрушенном краю:
Подлунный мир не сохранил спокойствия для нас.

В песках разлуки я брожу, от жажды я томлюсь,
Эй, виночерпий, чашу дай, чтоб совершить намаз.

Пусть видят все твое лицо, кто жаждет видеть свет,
Тебя увидеть Надира мечтает хоть бы раз!

* * *

О царь царей, прошу тебя, моей мольбе внимли.
Ты всем богат, я в нищете, своей рабе внимли.

Слова, которыми пишу о красоте твоей,
Как дым от жарких очагов, гудят в трубе, внимли.

В разлуке дерево тоски согнулось до земли,
Так жизнь ломается моя, ты голытьбе внимли.

Терпенья хижину стократ пыталась возвести,
А ливень слез ее смывал, слепой борьбе внимли.

Ты позабыл своих друзей и позабыл меня,
Воспоминаньям давних дней в самом себе внимли.

В разлуке долгой и немой безумствуя брожу,
Приди участие разделить, больной судьбе внимли.

Все вдохновение любви раскрыла Надира,
Чтобы рассветным ветерком послать тебе,—внимли!

* * *

Пост этот для меня вдвойне суров.
Настал ифтар, а мне несносен плов.

Вдвоем с любимым было все иначе,
Был пост прекрасней времени пиров.

Свиданья жаждут тысячи влюбленных,
Поют и пляшут в зелени садов.

А мой удел — отчаянье и слезы
И месяц одиноких вечеров.

Что толку мне от месяца святого,
Когда не жду свидания даров.

Во тьме горят светильниками слезы,
И кровью сок исходит из плодов.

Но пост разлуки Надира забудет,
Когда узнает: жив ты и здоров!

* * *

В печальной келье слезы лью, разлукой сражена сейчас,
Ни разу гостем не зашел тот, для кого нежна сейчас.

Искала твой желанный след во всех пустынях и горах,
Но горе лишь свое нашла, и снова я одна сейчас.

Мечтала о шербете губ, чтоб жажду сердца утолить,
А сердце кровью залила, не знаю, чья вина сейчас...

Напрасно радовалась я, что счастья встретила рассвет,
Разлуки сумрак наступил, во тьму погружена сейчас.

Безумья чад спалил меня, есть оправдание ему:
Ведь между мною и тобой безумия стена сейчас.

Хотела Надира любви, рассудок в жертву принесла,
Смотрите,— перед всей землей любовь обнажена сейчас!

* * *

Приют свершения надежд построен был в конце концов.
Но смерч разлуки ливнем слез его разбил в конце
концов.

Сломил меня любви буран, открыта боль сердечных
ран,
То ветер горя моего все обнажил в конце концов.

Ты обещал мне верным быть, шептал горячие слова,
Но клятву верности своей предать решил в конце
концов.

Хотела счастье удержать, надежды полдень сохранить,
Разлука все разорвала, что день тот сшил, в конце
концов.

О ты, кто верой дорожит, не порицай любовный жар:
Свой мир влюбленный шейх Санон на крест сменил
в конце концов.

Душа исполнена любви, сочится кровью через край,
Слезы рубиновый поток сады залил в конце концов.

Угасла радости заря, бескраен вечер горьких мук:
Мой солнцеликий от меня ушел, забыл в конце концов.

Смотри, великий Сулейман могучих дивов подчинил,
А стал слабее муравья,— растратил пыл в конце
концов.

Закончил трели соловей, умолкла, стихла Надира —
Весна пришла, весна прошла, и нету сил в конце
концов!

* * *

Если губы любимого скажут сердечное слово,
То людские сердца покорит это вечное слово.

Все, что губы твои принесли в ослепительный мир,
Я вписала в душе, как одно бесконечное слово.

Расцветает оно на страницах души, как цветок,
И сверкает оно, как зрачок,— просторечное слово.

Створки раковин скрыли жемчужину в глуби своей,
Чуть рубин твоих губ произнес быстротечное слово.

Знаю тысячи слов, окрыляющих песни земли,
Не похожи они на твое безупречное слово.

Краше перлов морских изречения рубиновых губ,
За тобой навсегда в этом споре конечное слово.

Вижу смолкшие толпы философов разных племен,—
Их навеки пленило твое человеческое слово.

Но увы, потеряла рубин твоих губ Надира,
И печальная песня ее — не беспечное слово.

* * *

Бутоны вижу в цветнике — рубины рта я вижу.
Вкруг розы вьется базилик — в устах уста я вижу.

Подобно молодой траве твои усы пробились,
У родника с живой водой их чистота, я вижу...

Все тяжелее тяжесть мук, и я вздыхаю чаще,
Но вряд ли жалость возбудит моя мечта, я вижу.

Горячим вихрем проношусь в песках осиротелых,
Самумом скорби сожжена, душа пуста, я вижу.

Вчера, в разлуке истомясь, я призывала гибель,
И смерть незримо подошла, она проста, я вижу.

Судьбы колдует колесо, ревнуя к нежным взглядам;
Теснятся сплетни вкруг меня и клевета, я вижу.

И если вдруг прочтет Салмон стих Надиры отважный,
Промолвит, горе оценив: «Вот красота, я вижу!»

* * *

В тумане утренней зари зову дыханье ветерка,
Иначе кто тебе вручит привет любви издалека?

Прошу летучую волну: укрой смятение души,
О главном только расскажи, о том, что рана глубока.

Из чаши радости земной глотнуть хотела сладость
встреч,
А пью разлуки горький яд в отраве каждого глотка.

Летит печаль моя, как дым, темна вселенная окрест,
И день и ночь слила в одно бездонной вечности река.

Голубкой верности живу, сплети мне сети, нить
любви,
Поймай в незримые силки, верни в объятия голубка.

Вся радость прежняя моя в разлуке перешла в печаль,
А для него печали нет, его судьба теперь легка.

Вот сердобольный ветерок принес мне розы аромат —
С последней улицы твоей привет последнего цветка...

На пир влюбленных я приду, как жрица пламенной
любови,
Любовь сравняла песнь мою с певучей флейтой
родника.

Разлуки вечер очень тих, и темны радости мои:
Ведь луноликого взяла земля сырая на века.

Прошу сближенья у богов, полна терпения в пути,
Безмолвно скорой встречи жду, она придет наверняка.

Злой рок разбил сосуд с вином, и больше алой нет
струи,
Лишь в перлах песен Надиры пылает красная строка.

Где обещания твои, где уверенья?
Я сожжена огнем любви, огнем сомненья.

В молитвах и слезах все дни мои проходят,
Но только об одном тебе мои моленья.

С тобою на земле сравниться солнце хочет,
Но с красотой во мгле, с луною нет сравненья.

Святоша к родникам склониться райским хочет,
А я хочу лишь губ твоих прикосновенья.

Был светлый жребий твой открыт в строках корана
Еще до твоего в мирах возникновенья.

И беспечального нисколько не печалят
Тех, кто повергнут в прах, любовные томленья.

О сердце без надежд! В тебе не стало воли,
В тебе не стало сил для слова уверенья...

Что, Надира, своей ты хвастаешь любовью —
Известна всем тоска твоя, твои волненья.

* * *

Товарищ, другом стань моим, в жизнь возвратиться дай,
Счастливой вестью «он придет» мне насладиться дай!

Захочешь счастье поразить страдания мечом —
Ты беспощадному клинку в меня вонзиться дай!

Эй, виночерпий, посмотри, как богослов спесив,
Дай чашу полную ему и с ног свалиться дай!

Ревет в пустыне дикий зверь от жалости ко мне,
Узнать об этом, ветерок, тому, кто снится,—дай!

Эй, виночерпий, с места встань, дай верующим пить,
Чтобы влюбленных не могли они стыдиться,— дай!

Шиповник нежный, кипарис, душа моей любви!
Павлина научи ходить и тем гордиться дай!

Глаз не смыкаю от любви, мой луноликий свет,
Явись на чистый небосвод, в тебя влюбиться дай!

Ждет Зулейха тебя с казной, надеждою полна,
Мир, как Юсуф, ты очаруй, с тобою слиться дай!

Греми, счастливый соловей: расцвел тюльпан в саду,
Скажи нам песню Надиры, стихом упиться дай!

* * *

Сосуд наполнил винодел, в сердца вселяя веру:
Как Хизр, бессмертным станет тот, кто выпьет
эту меру.

Не соблюдай закона, друг, «живой воды» напейся,
И сможешь ты перебороть любых страстей химеру.

Пусть шейх твердит, что грех любить, он сам
грешит сильнее:
Дано восславить шарият ханже и лицемеру.

Вино прописано любви, и в том правы табибы —
Оно разлуку облегчит вернее, чем холеру.

Пришла весна в подлунный мир, и полон дом
питейный,
Где вольнодумцы пьют назло святому изуверу.

Тот, кто не хочет пить вино, пусть пьет из чаши
сердца:
Там кровь кипит, а ведь она пьяней вина,
к примеру.

О верующий, промолчи, не призывай к молитве:
Тот, кто влюблен и пьет вино — не верит в полумеру.

Эй, виночерпий, чашу дай: напиток этот славный
И царь Джамшид не мог забрать в заоблачную
сферу.

Из полной чаши пьет любовь и Надира сегодня.
Чтоб совершить намаз любви,— учись ее примеру!

* * *

Все имеется у шейхов: сан, доходы и одышка,
Их одно порою мучит — благородная отрыжка.

Тот, кто честен и разумен, за квартал их дом
обходит,
Ведь у них глупец в почете, или лжец, или
воришка.

Поглядишь на пышность шейха и поникнешь в
удивленьи,
А душа его, по сути, как пустая кочерыжка.

Перед слабым и покорным словно лев рычит
святоша,
А когда приходит сильный, шейх стихает, словно
мышка.

Знаки Зера и Зобара он мгновенно переставит
И себе добро отбавит от бедняцкого излишка.

Он себя поближе к небу вознесет на минарете,
А простой земле и хлебу недоступна эта вышка...

Надира их проклиняет, не свершая преступленья:
То, что бьется в них — не сердце, это алчная
кубышка!

* * *

Всему приходит свой черед, крутятся, темнеет небосвод,
Печалью сердце обожгло: я жду вестей, никто не шлет.

Песчаный вихрь моей тоски любви долину заметал,
Меджиун отныне свой бальзам из этой пыли достает.

Тот, кто заметит пурпур слез, лица увядшего шафран,
Тот скажет, что моя весна — осенних листьев хоровод.

Сломалась жизнь моя, друзья, разбита чаша бытия,
Теперь осколки не скрепить, не встретить радости
приход.

В тревожных поисках любви я всю пустыню обойду:
Вдруг отыщу твой след живой и ветерок родных высот...

Мне люди родины моей сейчас нужней моей любви,
Иначе не с кем разделить мне горечь дум и гнет
забот.

Сгустился вечер над землей, и молча плачут облака,—
То льются слезы Надиры, она от боли слезы льет.

* * *

Везде, всегда, во всем с тобой, поверь, любимый мой.
В разлуке слезы лью рекой, поверь, любимый мой.
Беда крадется за бедой, как зверь, любимый мой,
Я злой истерзана судьбой теперь, любимый мой.

Пером судьбы начертан мне совсем иной удел,
Я чашу света пролила, никто не разглядел.

Кидает колесо судьбы, как всех, в беду меня.
Страданий тьма, а счастья нет, сожгли в аду меня.
Дружу с печалью и тоской, жди в их саду меня,
Влюбленную, всегда, везде найдут в бреду меня.
Он платит злостью за любовь, зовет к суду меня:
В пустыню смерти он ведет на поводу меня.

Пером судьбы начертан мне совсем иной удел,
Я чашу света пролила, никто не разглядел.

Угасни, горестей цветник,— пришла весна любви.
Глаза, не ждите ничего, я жду одна любви.
Стал кипарисом каждый вздох в зрачке окна любви.

Погибла горькая мечта, душа верна любви.
Уйди в пустыню, скорбь моя, ты не нужна любви:
Живет, пируя, Надира, вся отдана любви!

Пером судьбы начертан мне совсем иной удел,
Я чашу света пролила, никто не разглядел...

СОДЕРЖАНИЕ

Три классические поэтессы узбекской литературы	
<i>Уткир Рашидов</i>	3

УВАЙСИ, Стихи

„Что за купол...“	13
„О праве женщины любить я буду говорить“	14
„От гнета горя и скорбей...“	15
„Послушай жалобу мою...“	17
„Волшебницу я повстречал...“	19
„Грешна я — скрой мою вину...“	21
„Все таинства любви...“	23
„День, подаренный жизнью могучей, цени...“	24
„Эти косы цвета ночи...“	25
„Кто не скажет: „любовь прилетела“ тебе?!“	26
„Для талисмана не пиши молитв...“	27
„Губ медвяные рубины...“	28
„Для тех, кто боль не перенес...“	29
„Я красавца увидала...“	30
„В сумрак светлый...“	31
„Я вижу розовый бутон...“	33
„Чело востока озарив...“	35
„Не жалко жизнь отдать...“	36

МАХЗУНА. Стихи

„Друзья, прекрасного певца безмерно я люблю“ .	39
Вопросы и ответы (мушоира).	41

НАПИРА. Стихи

„Молитвы, посты и раденья...“	45
„Эй, виночерпий...“	47
„Расскажи, ветерок...“	48
„Сравнить пожар моей души...“	49
„Приди, лукавый кипарис...“	51
„О царь царей, прошу тебя...“	52
„Пост этот для меня вдвойне суров...“	53
„В печальной келье слезы лью...“	54
„Приют свершения надежд...“	55
„Если губы любимого скажут...“	57
„Бутоны вижу в цветнике...“	58
„В тумане утренней зари...“	59
„Где обещания твои...“	61
„Товарищ, другом стань моим...“	62
„Сосуд наполни винодел...“	63
„Все имеется у шейхов...“	65
„Всему приходит свой черед...“	66
„Везде, всегда, во всем с тобой...“	67

ТРИ ПОЭТЕССЫ

УВАЙСИ, МАХЗУНА И НАДИРА

Гослитиздат УзССР — Ташкент — 1961

Редактор *Л. Щербакова*
Художник *В. Смирнова*
Худож. редактор *Г. Остапенко*
Техн. редактор *Н. Курилова*
Корректор *А. Мурахвер*

* * *

Сдано в набор 8/XII 1960 г. Подписано
к печати 11/I 1961 г. Формат 70×92¹/₃₂.
Печ. л. 2,25. Усл. печ. л. 2,63. Издат. л.
2,16. Индекс: худ. Р07016. Тираж 10000.
Государственное издательство худо-
жественной литературы УзССР. Таш-
кент, ул. Навои, 30. Договор № 80/58.

* * *

Типография № 1 Узглавиздата Минис-
терства культуры УзССР. Ташкент,
ул. Хамзы, 21. 1961. Заказ № 771.
Цена 7 к.